

Художник и время

МЕЛОДИИ

МУСЛИМА МАГОМАЕВА

Взять интервью у Муслима Магомаева в Баку — дело совсем непростое. Наверное, сделать это куда легче коллегам из Москвы или Ярославля, Ленинграда или Казани, многих других городов, что значатся на карте гастролей народного артиста СССР. В родном же городе он бывает реже, чем, по его словам, ему хотелось бы самому. Всякий приезд, как правило, связан с выступлениями, репетициями, записями, другими творческими заботами, хлопотными обязанностями депутата Верховного Совета Азербайджана...

На сей раз в плотном регламенте пребывания дома образовалось «окно», и встреча состоялась. Готовясь к ней, я заглянул в свои репортерские блокноты, и оказалось, что предыдущее интервью брал у Магомаева пять лет назад, о чем напомнил ему.

— Ну что ж, значит речь пойдет о пятилетке артиста, — живо среагировав, как бы определил тему предстоящего разговора мой собеседник. — У нас принято говорить о пятилетке промышленных предприятий, колхозов, а музыкант, если он, конечно, серьезно подходит к своему делу, тоже имеет долгосрочные планы, по которым работает. Не жить же только сиюминутным...

— И что в этой пятилетке было наиболее важным для вас?

— Все! И концертные выступления, и подготовка новых программ, и записи, и написание музыки. К примеру, вот этой...

Сев за рояль, Магомаев берет первые аккорды, и рабочий кабинет заполняет распевная, с каждым тактом набирающая мощь мелодия. Чудится простор российских полей, задумчивая тишь перелесков, таинство старины. То, что сейчас играет композитор, для него неожиданно, в звуках музыки, драматичной, бередящей душу тревогой, — пространство истории.

— Это — «Слово о полку Игореве», точнее, его музыкальная версия, — замечает Магомаев. — Конечно же, непревзойденной вершиной воплощения русского эпоса в музыке была и остается опера «Князь Игорь» Бородин. Здесь ставилась иная задача — дать современную, подчеркивая это слово, музыкальную транскрипцию великой поэмы. В старейшем Русском драматическом театре имени Федора Волкова в Ярославле в прошлом наш бакинец режиссер Г. Дроздов и поэт-драматург Э. Пашнев ставили спектакль «Ярославна». В мою функцию входило не просто музыкальное оформление постановки, а практически создание музыкально-драматического спектакля, в котором должно было быть много музыки. Сложность, помимо всего прочего, для меня заключалась и в том, что нужна была чисто русская музыка, основанная на знании национального мелоса, фольклора, а это было прежде вне сферы моих профессиональных интересов. Результатом явилось монументальное сценическое произведение, в котором на равных сосуществуют слово и драматическое действие, симфонизм и рок, хор и бит-группа. Музыку записывали на «Мосфильме», партию Ярославны спела Тамара Синявская, Баяна — Владимир Атлантов, сам же я — князь Игорь. Спектакль, разыгрываемый актерами театра, шел под музыкальную фонограмму. К сожалению, век драматической постановки не всегда долгов, и чтобы вместе с ней не сошла со сцены и музыка, собираюсь сейчас на ее основе сделать ораторию — с участием симфонического оркестра, хора, рок-группы, вокалистов, чтецов.

Если уж закрыть в нашем разговоре тему композиторской работы, то скажу, что за эти годы написал музыку к двум кинофильмам — «Легенда Серебряного озера» и «Загородная прогулка» Эльдара Кулиева, моего большого друга, что не мешало ему и по отношению

ко мне быть всегда очень требовательным. Он четко знает, что ему нужно, чего он хочет в работе, в чем я убедился не только в своей композиторской кинопрактике, но и снимаясь у него в главной роли в ленте «Низами».

— И все-таки Муслим Магомаев для многочисленных почитателей его дарования прежде всего певец...

— Да, так уже получилось. И в связи с этим хотел бы сказать о том, что в последние несколько лет меня беспокоило и продолжает тревожить поныне, наверное, — о неизбежных горьких потерях и радостных обретениях. Прежде всего, о репертуаре. Певец, а я говорю о серьезных, уважающих себя артистах, работающих на эстраде, а не об исполнителях рассчитанных на кратковременный шумный успех легковесных шлягеров, непременно должен иметь своих композиторов, тех, кто близки ему по духу и настроению, по взглядам на жизнь, чье творчество именно он лучше, точнее, чем кто-то другой, может с максимальной полнотой воплотить и через чьи песни может сказать о том, что волнует его самого. Об этом следует помнить всегда, не гоняясь за сиюминутным признанием публики, не страшась, не дай бог, не успеть за каким-то модным сегодня мотивчиком или ритмом. Мода и современность — будь то в литературе, живописи, кино, в театре и на эстраде — это разные вещи. Оставим право на моду за модельерами, создающими коллекции одежды, там это необходимо. А в искусстве, если, конечно, именно оно главное для тебя, не надо страшиться для какой-то части слушателей оказаться немодным. Куда важнее идти в ногу со временем.

К сожалению, далеко не все композиторы придерживаются подобных взглядов. Некоторые из тех, с кем я раньше активно сотрудничал, перестали работать в песенном жанре, иные стали писать в расчете на вкусы, причем не всегда высокие, исключительно молодежной аудитории. Сказанное не касается Александры Пахмутовой, большого мастера, всегда умеющей слышать время и выражать его в звуках, с ней мы продолжаем вместе работать. Несколько песен специально для меня написал тонко чувствующий стихию моего творчества Полад Бюль-Бюль оглы, и за это я ему благодарен. И все-таки новых песен — а это всегда и новые идеи, и импульс к творчеству — у меня не было. Петь же только свои собственные — это, наверное, дело бардов, к коим, хотя и пишу песни, никогда себя не причислял.

Так вот, ждал-ждал от композиторов новичков, а потом мелькнула мысль: «А почему, собственно, я должен отказываться от того, что было мною наработано годами, от того, что выдержало испытание временем? Только потому, что вчера, как кажется некоторым, не модно сегодня?». Мне никогда не понять тех певцов, даже весьма популярных, кто, отпев в течение

года-двух программу, потом начисто отказывается от нее. Тем самым ведь они невольно дают понять, что поют шлягеры-однодневки, что боятся «отстать от поезда». Словом, в последние несколько лет я подготовил и спел семь программ, в которые вошли произведения, исполнившиеся мною прежде, или же просто мелодии минувших лет.

— Снадите, не было ли это, в свою очередь, также данью моде — стилю ретро, который в силу ряда причин — политических, социальных и прочих утвердился в искусстве, в том числе на эстраде?

— Нет, что касается меня, то, как я уже сказал, причины другие. Хотя мне самому довольно близок этот стиль. Те «забытые мелодии» мне оказались прежде всего нужны для того, чтобы через них сказать о наиболее важном и для меня, и для моих слушателей — о непреходящей красоте любви, торжестве доброты, высокой поэзии человеческих чувств, о необходимости понимать друг друга, жить в мире. Реакция аудитории — будь это на концертах в нашей стране или за рубежом — утверждала меня в плодотворности подобного художественного поиска, в том, что песни эти и сегодня нужны людям.

В числе программ последних лет были концерты из произведений азербайджанских композиторов — Узеира Гаджибекова, Ниязи, Тофика Кулиева, Полада Бюль-Бюль оглы. Одну программу посвятил памяти большого мастера советской песни, народного артиста СССР Арно Бабаджаняна. Концерт этот состоялся в Москве в декабре прошлого года, а по Центральному и Азербайджанскому телевидению был показан в записи несколько дней назад. В середине марта в Государственном центральном концертном зале «Россия» выступил с новой концертной программой «Незабываемые мелодии», в которую вошли в основном произведения зарубежных композиторов.

— Вы сами довольны этой программой?

— Мне никогда не нравится полностью все, что я делаю, но этот концерт, пожалуй, доставил мне меньше неприятных минут, чем другие.

— А когда с ними познакомится бакинцы?

— Выступать в родном городе для меня особенно ответственно. Надеюсь непременно вынести эту работу на суд земляков. В дальних планах — программы из произведений азербайджанских композиторов, «Песни Неаполя».

— Вы были участником встречи в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры азербайджанской и армянской национальностей, работающими в Москве. Расскажите немного об этом.

— В печати уже сообщалось об этом. Разговор был принципиальный, заинтересованный. Высказывалась серьезная озабоченность в связи с событиями в Нагорном Карабахе, ситуацией, сложившейся в Армении и Азербайджане. Мне также было предоставлено слово, и я сказал о славных интернациональных традициях азербайджанского народа, о дружбе и согласии, в которых издавна живут в нашем крае люди разных национальностей. Сослался и на собственный пример: мне одинаково дороги произведения композиторов разных национальностей, которые непременно присутствуют в моем репертуаре. От нас, интеллигенции, творческих работников, многое зависит, чтобы утвердились высокие идеи братства народов.

Беседу провел
Л. ГОЛЬДШТЕЙН,
корр. Азеринформа.